ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Проблема ненадежного рассказчика в антиутопическом мире романа «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро

Орлова Т. С.

Аннотация. Цель исследования – обосновать оценку надежности повествования Кэти в романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня». Рассмотрены воспоминания о Хейлшеме, представления воспитанников о происхождении и будущем, оговорки и эвфемизация повествования. Сопоставлены три уровня знания: осведомленность героини в детстве, позиция взрослой рассказчицы и сведения, которыми располагают предполагаемый адресат и читатель. Научная новизна состоит в предложенном разграничении трех уровней неполноты: дозированного информирования воспитанников, ретроспекции в рассказе Кэти и особой последовательности раскрытия сведений. В результате выявлено, что в романе фокализированное повествование, нарушаемое провалами в памяти, эвфемизмами и ограниченным горизонтом понимания Кэти. Ненадёжность, следовательно, необходимо обосновывать применительно к конкретным суждениям рассказчицы, при этом не принимая её заранее установленным свойством всего повествования. Применительно к антиутопическому миру Кадзуо Исигуро термин «ненадежный рассказчик» может – и, возможно, должен – быть переосмыслен.

EN

The problem of the unreliable narrator in the dystopian world of Kazuo Ishiguro's "Never Let Me Go"

T. S. Orlova

Abstract. The study aims to substantiate an assessment of the reliability of Kathy's narration in Kazuo Ishiguro's novel "Never Let Me Go". The study examines memories of Hailsham, the pupils' ideas about their origins and future, slips of the tongue, and the euphemisation of the narrative. Three levels of knowledge are compared: the protagonist's awareness in childhood, the perspective of the adult narrator, and the information available to the presumed addressee and the reader. The scientific originality lies in the proposed distinction between three levels of incompleteness: the gradual disclosure of information to the pupils, retrospection in Kathy's account, and a particular sequence in which information is revealed. As a result, it is shown that the novel employs focalized narration disrupted by memory lapses, euphemisms, and the limited scope of Kathy's understanding. Unreliability, therefore, must be substantiated with regard to specific statements made by the narrator, rather than being treated as a pre-established property of the narrative as a whole. In the context of Kazuo Ishiguro's dystopian world, the term "unreliable narrator" can – and perhaps should – be reconsidered.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обоснованного применения понятия «ненадежный рассказчик» при изучении антиутопической прозы. В оценке рассказа о собственном прошлом существенны различия между неполнотой воспоминаний, ошибочностью объяснений и нравственной позицией персонажа. Дж. Фелан (Phelan, 2007, p. 50-53) разграничивает сообщение о событиях, их интерпретацию и оценку, а также допускает неполное изложение в надежном повествовании. При смешении подобных оснований читатель рискует отвергнуть свидетельство о пережитом лишь потому, что не разделяет суждений рассказчика. Для литературоведческого анализа принципиальна обоснованность оценки всего повествования.

В научных трактовках романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» основания недоверия к Кэти различаются. Ранее в наших исследованиях мы уже связывали ненадежность рассказчицы с избирательностью воспоминаний и неполнотой сообщаемых сведений (Орлова, 2023, с. 171-172). Ю. С. Нестеренко (2015, с. 329) допускает доверие к описанным событиям, а сомнения относит к нюансам истолкования прошлого.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260531

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

М. Хювяринен (Hyvärinen, 2008, p. 206, 210) объясняет часть недосказанности предполагаемой осведомленностью адресата, которому знакомы общие условия существования доноров. Сопоставление приведенных позиций необходимо для уточнения оснований литературоведческой интерпретации: признаки неуверенности в речи, недостаток пояснений и спорная оценка происходящего могут сказать больше о повествовании, если рассматривать их в совокупности и применительно к особенностям всего нарратива в романе.

Значимость исследования для современного литературоведения связана с потребностью соотнести анализ повествовательной формы с нравственной проблематикой антиутопии. При чтении произведений, построенных на воспоминаниях участника изображенного мира, необходимы обоснованные критерии доверия к личному свидетельству. От их применения зависит понимание того, почему читатель может признавать достоверность сообщенных событий и одновременно пересматривать их объяснение и оценку.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи исследования:

1. Уточнить критерии ненадёжности рассказчика, разграничив фокализацию, неполноту сведений и ненадежность рассказчика.

2. Проанализировать воспоминания Кэти о Хейлшеме и установить, с чем связана неполнота ее рассказа в отношении нарратива.

3. Сопоставить привычные представления героев о заботе, происхождении и будущем с принудительным характером их существования на материале описания Хейлшема.

4. Установить соотношение эффекта достоверного свидетельства и надёжности повествования, разграничив доверие к сообщаемым событиям и согласие с их объяснением и оценкой рассказчицей.

Материалом исследования выбрано билингвальное издание романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”) издательского дома Эксмо (2020).

В исследовании применены нарративный и контекстуальный анализ для разграничения знания Кэти в момент переживаемых событий и во время рассказа о них, определения уровней информационной неполноты и установления различий в осведомленности рассказчицы, предполагаемого адресата и реального читателя, а также сопоставление научных трактовок повествования Кэти.

Теоретическую основу составляют концепция ненадёжного рассказчика и подразумеваемого автора У. Бута (Booth, 1983), разграничение сообщения о событиях, их истолкования и оценки в работах Джеймса Фелана (Phelan, 2007) и Д. Шэнь (Shen, 2013), а также понятие эффекта реальности Р. Барта (Barthes, 1968). При определении жанровых особенностей антиутопии учтено положение Б. А. Ланина (1993, с. 158) о конфликте личности с социальной средой. Применительно к роману Исигуро рассматривается противоречие между желаниями воспитанников, их представлениями о собственной жизни и навязанным им донорским будущим. Для характеристики общественного порядка использованы положения Г. Клейса (Claeys, 2017, p. 5-6) о принуждении и неравенстве в антиутопическом обществе, а также о возможности благополучия одних за счет угнетения других. На этом основании сопоставляются интересы получателей органов и положение доноров, лишенных права распоряжаться собственной жизнью. При анализе повествования Кэти учтены наблюдения К. Макдональда (McDonald, 2007) о принятии воспитанниками донорского порядка и М. Хювяринена (Hyvärinen, 2008) об осведомленности предполагаемого адресата.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в вузовских курсах современной зарубежной литературы и теории повествования, при подготовке учебных разборов романа Исигуро и заданий, направленных на различение ограниченности знания, ошибок интерпретации и намеренного сокрытия сведений рассказчиком в курсе литературоведения.

Обсуждение и результаты

Роман «Не отпускай меня» выстроен как воспоминания главной героини, Кэти Ш., о своем прошлом. Повествование ведется от первого лица, и события подаются в нелинейном порядке – постоянно происходят возвраты в прошлое, воспоминания переплетаются и прерывают друг друга. Основная временная линия (настоящий момент, когда Кэти вспоминает свою жизнь) многократно прерывается флэшбеками, иногда вложенными друг в друга. Действительно, все описанное в книге – это субъективный внутренний мир воспоминаний Кэти, через призму которого читатель должен узнать историю. Поскольку героиня излагает только то, что сохранилось в ее памяти, общий рисунок повествования становится фрагментарным и мозаичным. Память у Кэти, к тому же, ненадежна: она сама регулярно оговаривается, что могла что-то забыть или перепутать («кажется, я помню это не совсем ясно…» и т. п.).

В работе роман Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» рассматривается как антиутопический роман с мемуарной формой повествования. Антиутопическая характеристика относится к общественному порядку, который предписывает воспитанникам донорское будущее. Мемуарная форма связана с рассказом Кэти о пережитом, отбором воспоминаний и возвращением к событиям детства. В нарративном отношении Кэти выступает ретроспективной автодиегетической рассказчицей: она повествует о собственном прошлом, соединяя прежние представления с позднейшим пониманием. Определение Кейт Макдональд speculative memoir используется для характеристики сочетания фантастического допущения с приёмами личного свидетельства (McDonald, 2007, p. 75, 82). Повествование воспроизводит автобиографические конвенции, однако не предполагает тождества реального автора, рассказчицы и героини, обязательного для автобиографии в понимании

Ф. Лежёна (Lejeune, 1989, p. 4-5). Поэтому неполнота сообщения, оговорки и некоторая туманность в повествовании рассматриваются с учётом мемуарной формы, а вопрос о ненадёжности решается при анализе конкретных сообщений, объяснений и оценок Кэти.

В романе «Не отпускай меня» читатель постепенно знакомится с обществом, в котором людей-клонов выращивают ради изъятия органов. Тем не менее основную часть книги занимает рассказ о детстве, дружбе и несбывшихся надеждах. Кэти Ш. вспоминает Хейлшем, где она выросла вместе с Рут и Томми, и говорит о работе помощницы доноров. Для неё окружающий порядок давно привычен. Читателю же приходится выяснять значение слов персонажа.

В романе перед нами предстает Англия конца 1990-х годов, а значительную часть рассказа составляют воспоминания о предшествующих десятилетиях. Исигуро поясняет, что замыслил альтернативную историю страны и сознательно отказался от футуристического окружения (Ishiguro, 2005). Антиутопическое допущение касается правил жизни, а его последствия обнаруживаются в отношениях персонажей.

В статье «Анатомия литературной антиутопии» Б. А. Ланин определяет центральное противоречие жанра: «Социальная среда и личность – вот основной конфликт антиутопии» (1993, с. 158). В исследовательской традиции роман иногда описывают как “speculative memoir”, где допущение соединяется с формой автобиографии (McDonald, 2007, p. 74-83). Перед читателем не просто ретроспективный рассказ о прошлом, а память человека, чье прошлое было заранее организовано институтом. Отсюда возникает особая форма ненадежности. Кэти не обманывает читателя сознательно. Ее ненадежность связана с неполным знанием о собственном опыте.

Возникает исследовательский вопрос: только ли неполнота рассказа делает Кэти ненадёжной рассказчицей, и как именно при сомнениях в её оценках сохраняется впечатление достоверного свидетельства?

При исследовании рассказа Кэти необходимо разграничивать события её жизни, доступное ей знание и способ сообщения о пережитом. Теоретические основания подобного разграничения представлены в работах Ц. Тодорова и Ж. Женетта. В статье «Категории литературного повествования» Тодоров (Todorov, 1966, p. 126-127) различает историю – изображаемые события и отношения между персонажами – и дискурс, то есть их повествовательное представление. Обращаясь к проблеме перспективы, исследователь рассматривает три соотношения осведомлённости: рассказчик знает больше персонажа, столько же или меньше. При равенстве знания повествование возможно от первого и от третьего лица (Todorov, 1966, p. 141-142). Следовательно, грамматическое лицо рассказа само по себе не определяет объём сообщаемых сведений.

Ж. Женетт (Genette, 1980, p. 186, 189-190) уточняет различие между повествовательным голосом и фокализацией: вопрос о том, кто рассказывает, следует отделять от вопроса о том, чьим восприятием и знанием ограничено представление событий. Повествователя, выступающего главным героем собственной истории, исследователь называет автодиегетическим (Genette, 1980, p. 245). Для анализа воспоминаний Кэти существенно замечание Женетта о несовпадении прежней осведомлённости героя и позднейшего знания рассказчика. Повествуя о собственной жизни, рассказчик может воспроизводить прежнее непонимание либо комментировать прошлое с учётом приобретённого опыта (Genette, 1980, p. 198-199). Поэтому необходимо различать непонимание Кэти в детстве и позицию взрослой рассказчицы. Из воспроизведения детского взгляда ещё не следует, что она продолжает придерживаться прежних объяснений.

К определению ненадёжности непосредственно обращается У. Бут в «Риторике художественной прозы». Ненадёжным он называет рассказчика, чьи высказывания или поступки расходятся с нормами произведения, понимаемыми в качестве норм подразумеваемого автора (Booth, 1983, p. 158-159). Под подразумеваемым автором понимается образ автора, который читатель восстанавливает по художественному построению произведения и выраженным в нём ценностным предпочтениям (Booth, 1983, p. 71-75). Ненадёжность у Бута не сводится к намеренной лжи: возможны заблуждение и непонимание рассказчиком самого себя. Объём доступного знания рассматривается отдельно от надёжности (Booth, 1983, p. 159-160). Применительно к роману Исигуро необходимо также различать нормы произведения и правила изображённого общества: принятие принудительного донорства персонажами не доказывает авторского одобрения.

Джеймс Фелан, анализируя повествование Стивенса в романе Исигуро «Остаток дня», разграничивает сообщение о фактах, интерпретацию происходящего и нравственную оценку. Рассказчик может точно описывать события, но ошибаться при их объяснении или оценке (Phelan, 2007, p. 50-51). При рассмотрении умолчаний исследователь подчёркивает: «Однако не всякое неполное сообщение сведений означает ненадёжность» (Phelan, 2007, p. 52) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – *Т. О.*). Надёжное повествование может быть эллиптическим: рассказчик и подразумеваемый автор рассчитывают, что их адресаты восполнят пропуски на основании сообщённых сведений. Обнаруженная в отдельном фрагменте ненадёжность также не требует недоверия ко всему рассказу (Phelan, 2007, p. 52-53). Сходную тенденцию отмечает Г. Олсон (Olson, 2003, p. 101): неполная осведомлённость участника событий сама по себе совместима с надёжным повествованием.

В исследованиях романа «Не отпускай меня» ненадёжность Кэти обосновывается по-разному. Ранее мы исследовали речевые маркеры неуверенности, избирательность воспоминаний главной героини и умолчания, на основании которых можно отнести её к ненадёжным рассказчикам (Орлова, 2023, с. 171-172). Е. Н. Белова, сопоставляя повествовательные приёмы Исигуро и Рюноскэ Акутагавы, отмечает отсутствие достаточных оснований уличить Кэти в фактической неточности. Недоверие к героине исследовательница связывает с неполным выражением чувств и с читательским недоумением перед её отношением к собственной судьбе (Белова, 2013, с. 156-157). Следовательно, в работах исследовательниц обсуждаются разные основания сомнения: от отбора воспоминаний до их эмоционального и нравственного осмысления.

Ю. С. Нестеренко, изучая связь романа с японской литературной традицией, даёт сравнительную оценку: среди рассказчиков Исигуро Кэти принадлежит к наиболее надёжным в отношении сообщаемых событий. Исследовательница уточняет: «Сомнения здесь касаются только нюансов, оттенков в правильности интерпретации прошлого» (Нестеренко, 2015, с. 329). Ю. С. Нестеренко сохраняет обозначение ненадёжного повествователя, однако ограничивает область сомнения. Подобная оговорка позволяет разграничить доверие к сообщению о событии и уверенность в правильности его объяснения рассказчицей.

Мэтти Хювяринен (Hyvärinen, 2008, p. 206, 210) рассматривает надёжность Кэти с учётом адресата её рассказа. По его предположению, героиня обращается к другому клону, знакомому с донорством, тогда как читатель романа вынужден восстанавливать подобные сведения постепенно. Поэтому неполнота объяснений не обязательно означает ненадёжность для предполагаемого слушателя. Вместе с тем исследователь не признаёт Кэти безусловно надёжной: при разборе её реакции на раскрытие предназначения воспитанников он обсуждает несколько возможных проявлений ненадёжности, а в заключении сохраняет вопрос о её отношении к насилию над донорами (Hyvärinen, 2008, p. 211, 222).

В настоящем исследовании принимается риторическое понимание ненадёжности Уэйна Бута, уточнённое Джеймсом Феланом. При подобном подходе можно раздельно оценивать точность сообщения о событии, его интерпретацию и нравственную позицию рассказчицы. В оценке повествования Кэти нам близка позиция Нестеренко, допускающая доверие к сообщаемым событиям при сомнении в их объяснении; при рассмотрении умолчаний учитывается гипотеза Хювяринена об осведомлённом адресате. Кэти рассматривается в качестве автодиегетической рассказчицы с ограниченной осведомлённостью. Принадлежность к автодиегетическому типу и ограниченность знания сами по себе не предопределяют оценки надёжности. Оговорки памяти и неполнота сведений требуют проверки при сопоставлении конкретных эпизодов. Задача дальнейшего анализа – определить, какие особенности рассказа связаны с воспроизведением пережитого опыта, а какие позволяют обоснованно говорить об ошибках интерпретации или оценки антиутопического порядка.

Необходимость уточнения термина ненадёжности заметна уже при сопоставлении исследовательских позиций. Исследовательница Е. Н. Белова отмечает, что оговорки Кэти о памяти сами по себе не дают достаточного основания оспаривать изложенные события; более существенно то, что Кэти, «передавая в подробностях все детали происходящих событий и свое к ним отношение, умалчивает о подлинной силе и глубине своих чувств. И это касается не только не осознаваемой ею почти до самого конца любви к Томми, но и восприятия собственной судьбы, от попыток сопротивляться которой героиня словно самоустраняется в рассказе» (Белова, 2013, с. 156-157). При непосредственной характеристике рассказчицы исследовательница уточняет: «Сомнения здесь касаются только нюансов, оттенков в правильности интерпретации прошлого» (Нестеренко, 2015, с. 329).

Кейт Макдональд в этой связи пишет о том, что в антиутопических романах детство и школьная жизнь, предоставляют плодотворную площадку, с помощью которой можно раскрыть, подвергнуть сомнению и понять роль рассказчика в сложной структуре власти. Юджин Тео (2014) исследует память воспитанников и свидетельства об их существовании. М. Хювяринен (Hyvärinen, 2008, p. 205-206) обращает внимание на предполагаемого адресата Кэти, чьи знания отличаются от знаний читателя романа. У. Бут связывает надёжность рассказчика с его отношением к нормам произведения: «За неимением более подходящих терминов я называю рассказчика надёжным, если он высказывается или действует в соответствии с нормами произведения (то есть нормами подразумеваемого автора), и ненадёжным, если он им не соответствует» (Booth, 1983, p. 158-159). Под подразумеваемым автором понимается образ автора, который читатель восстанавливает по отбору событий, построению повествования и оценке персонажей. Его необходимо отличать от биографического писателя и от человека, которому поручен рассказ (Booth, 1983, p. 71-75). Применительно к роману Исигуро особенно важно разграничить нормы подразумеваемого автора и правила общества, в котором живёт Кэти. Принудительное донорство принято в изображённом обществе, однако из признания подобного порядка героями нельзя заключить, что читателю предлагается согласиться с его справедливостью.

Отдельно Бут рассматривает объём доступного рассказчику знания. Надёжные и ненадёжные рассказчики могут быть ограничены наблюдениями и выводами, доступными обычному человеку (Booth, 1983, p. 160).

Джеймс Фелан утверждает, что каждый рассказчик выполняет три когнитивно разные роли: сообщать, интерпретировать (толковать) и оценивать. По его определению, изложение касается персонажей, фактов и событий; интерпретация, в свою очередь, относится к наблюдению и познанию; а оценка принадлежит к этической оси повествования. Он предполагает, что рассказчики могут давать либо полностью ложные, либо неполные, либо правильные отчёты в отношении этих осей. Сопоставляя эти аспекты, он выделяет шесть категорий ненадежного повествования: ложное изложение и неполное изложение; ложное толкование и неполное толкование; наконец, игнорирование, недооценивание (Phelan, 2007). Смысл этих различий не в том, чтобы утверждать, будто источник высказанных суждений или ценностей можно однозначно определить, – совсем наоборот. Как убедительно показывает Лиза Зуншайн (Zunshine, 2006), авторы проверяют «навыки поиска источника» у читателей, а читатели, в свою очередь, проверяют свои навыки поиска этих источников. Интересна позиция Дэна Шеня: вопрос о надёжности или ненадёжности по существу касается того, насколько верно и полно рассказчик сообщает о событиях и персонажах, истолковывает и оценивает их. Сколь бы честным ни был рассказчик, пока его повествование не отвечает этим требованиям, оно остаётся ненадёжным. При ненадёжном сообщении о событиях истории действительно обнаруживается расхождение между

самой историей и её изложением. Тем не менее, при ошибочном или недостаточном истолковании и оценке событий и персонажей расхождение следует искать скорее между прямо высказанным рассказчиком и косвенно выраженной авторской позицией (Shen, 2013).

И действительно, по свидетельству Исигуро, событие можно передать верно, а его значение понять неверно. Исигуро поэтому отчёркивает отличие Кэти от прежних героев его романов, склонных к самообману. По его объяснению, рассказчик привычного для ранних произведений типа мешал бы замыслу романа «Не отпускай меня».

В более ранних исследованиях и автор уже приходил к выводу о том, что Кэти в какой-то мере действительно является ненадежным рассказчиком.

На основе количественного анализа ранее было выявлено, что отличительной чертой речи Кэти как героя и рассказчика является неуверенность: по частотности употребления в тексте противительный союз «но» представлен чаще всего; на втором месте по частоте употребления зафиксировано вводное слово «может», которое используется для выражения неуверенного подтверждения высказывания, и союз уступки «хотя»; вводные конструкции «так или иначе» и вводные слова «наверно», «кажется», «думаю», «помню», «бывало» – характерная лексика для попытки самоанализа, самоубеждения и записи акта воспоминаний. Среди остальных лексических единиц, выражающих неуверенность главной героини, анализ выявил следующие лексемы: наверняка, помоему, с другой стороны, почти, часто, скорее всего, пожалуй, вероятно, скажем, словно. Отдельно стоит обратить внимание на обилие отрицательных предложений и местоимений в тексте романа (Орлова, 2023, с. 172). И более того, Кэти, когда читатель уже преодолел треть текста романа, признается ему, что она могла неправильно вспомнить некоторые детали. Она как повествователь контролирует то, что из событий ее прошлого будет зафиксировано на страницах ее дневника, а то, что Кэти не готова признать, читатель воспринимает между разрозненными фрагментами текста, выстраивая целую картину жизни девушки. Для дальнейшего анализа необходимо установить, что именно подлежит пересмотру при чтении, о чем умалчивает рассказчик и как именно это делает.

В первой главе Кэти оговаривается: *“Or maybe I’m remembering it wrong”* (Исигуро, 2020, с. 14); возможно, она вспоминает неправильно.

Для последовательного анализа умолчания необходимо различить три уровня. Умолчание используется здесь в качестве рабочего обозначения разных условий неполноты сообщения. Намеренное сокрытие следует предполагать лишь при наличии оснований в тексте. Первый уровень связан с поступками воспитателей. Мисс Люси определяет осведомлённость детей формулой *“told and not told”* (Исигуро, 2020, с. 174): им сообщили и одновременно не сообщили. Здесь отсутствует простая противоположность знания и полного незнания– как и у читателя, что будет понятно позднее.

Второй уровень – это уровень рассказывания от имени взрослой Кэти. Сейчас она знает о предназначении воспитанников больше, чем знала в детстве. Тем не менее, при воспроизведении прежнего опыта она не сопровождает его комментариями от себя настоящей. Рассказ вроде ведётся взрослым человеком, но многие эпизоды и обстоятельства в нем ограничены пределами детского сознания или внушены учителями.

Однако при воспроизведении прошлого рассказчица не всегда обращается к позднейшим объяснениям. Необходимо различать осведомлённость героини в момент события и знание, которым она располагает во время рассказа (Genette, 1980, p. 198-199). Утверждать полное отсутствие ретроспективных комментариев было бы неверно. Кэти оценивает поведение Мадам во время встречи в спальне и признаёт сохраняющийся стыд за собственное молчание, когда другие воспитанники обманывали Томми. Следовательно, вопрос касается пределов её нравственного осмысления прошлого.

Оценку отдельных поступков следует разграничивать с оценкой общественного устройства. Кэти способна осуждать причинённую другому человеку обиду, однако подобные суждения не всегда сопровождаются обсуждением допустимости принудительного донорства. Авторскую критику антиутопического порядка читатель восстанавливает при сопоставлении ценности пережитого героями и предписанной им участи. При подобном прочтении необходимо учитывать различие между рассказчицей и подразумеваемым автором (Booth, 1983, p. 158-159; Hyvärinen, 2008, p. 202, 222). Сдержанность Кэти допускает несколько объяснений. В частности, Мэтти Хювяринен связывает её с предполагаемым обращением к донору, которого рассказчица стремится поддержать воспоминаниями о Хейлшеме (Hyvärinen, 2008, p. 220-221).

На основании отсутствия прямого осуждения нельзя установить, оправдывает ли Кэти принуждение или оставляет собственное отношение невысказанным. О неполноте этической оценки – underregarding в терминологии Дж. Фелана – допустимо говорить при доказанном расхождении между пределами суждения рассказчицы и нравственными выводами, обоснованными построением произведения (Phelan, 2007, p. 52). Поэтому в дальнейшем анализе необходимо определить, где Кэти пересматривает прежние представления, а где сохраняет усвоенные способы объяснения происходящего. Даже при обнаружении недостаточности отдельных оценок достоверность сообщаемых событий требует самостоятельного рассмотрения (Phelan, 2007, p. 53).

Третий уровень связан с игрой самого автора с читателем. Исигуро располагает эпизоды так, что значение уже прочитанного уточняется позднее. Читатель последовательно знакомится с буднями персонажей, последовательно обнаруживает нестыковки и уже последовательно приходит к объяснениям истинной сути предназначения воспитанников Хейлшема.

Различие между пережитым событием и его позднейшим объяснением важно и при рассмотрении достоверности описанного мира. Роман, в котором от начала до конца используется один и тот же рассказчик,

ассоциированный с персонажем, воспринимается читателем так, как будто он написан или произнесен непосредственно этим персонажем, что отсылает к таким жанрам, как автобиография и исповедь (Hyvärinen, 2008, p. 205-206). Но роман «Не отпускай меня» ни то, и ни другое. Исследовательница Ю. С. Нестеренко также разграничивает два мира в романе: «Мир клонов существует параллельно с миром людей, в результате чего образуется два пространства: реальная Англия, с действительно существующими названиями графств и городов […] и “клонированное” пространство условного мира […]. Кроме того, параллельно существуют своеобразные артефакты-фетиши, заменяющие и символизирующие реальную жизнь: кассета с записью песни Джуди Бриджуотер, пенал Рут (якобы подаренный ей одной из опекунш мисс Джеральдиной), деревянные сундучки, голубая тенниска Томми, его рисунки фантастических животных» (2015, с. 328).

В этой связи полезными для понимания текста романа могут быть замечания Ролана Барта о сходстве с историческим свидетельством: «[…] То же “реальное” становится основным ориентиром исторического повествования, которое, как считается, сообщает “то, что действительно произошло”: какое значение имеет тогда отсутствие у детали функции, если она обозначает “то, что имело место”? “Конкретная реальность” становится достаточным оправданием высказывания» (Barthes, 1968, p. 87). В историческом рассказе подробность может оправдываться самим утверждением о её принадлежности прошлому. О ней сообщают потому, что она присутствовала при событии. Для мысли о псевдодокументальном свидетельстве понятие «конкретной реальности» особенно удобно и полезно. Кроме того, почти во всех исследовательских взглядах разграничены уверенность в самом событии и сомнение при его пояснении. Узнаваемые названия мест и подробности повседневной жизни позволяют читателю представить описанное, однако по одной лишь конкретности рассказа нельзя установить точность всех суждений Кэти.

Хейлшем также предстает как бы фоном повседневных событий. В подробностях школьных занятий и отношений между детьми трудно сразу увидеть страшные события. Ролан Барт, исследуя эффект реальности, обращается к деталям, чья значимость не исчерпывается непосредственным продвижением сюжета (Barthes, 1968, p. 84-89).

Кейт Макдональд связывает пространственную изоляцию воспитанников с принятием ими установленного порядка жизни. Особое внимание исследователь уделяет привычным обозначениям, в которых скрыт насильственный характер донорства: «Детей (или пленников) их воспитатели (или надзиратели) называют “особыми” и “одарёнными”, а их убийства описываются как “завершения”» (McDonald, 2007, p. 78). Эта нормализация особенно очевидна в языке, используемом для описания извлечения органов у жертв. Дети (или пленники) описываются как «особые» и «одаренные» своими опекунами (или надзирателями), а их убийства называются «завершениями» – это резко напоминает об их единственной цели в глазах общества и о том, как язык может нормализовать зверства, считающиеся необходимыми в рамках той или иной идеологии.

В принятом в Хейлшеме языке предписанное воспитанникам назначение представлено привычным и допустимым. При рассмотрении их представлений о будущем необходимо также обратиться к попыткам вообразить жизнь за пределами донорства. С подобной надеждой связан интерес Рут к собственному происхождению.

Под *possible* подразумевается предполагаемый человеческий оригинал, с которого мог быть создан клон. Рут ищет в предполагаемом прототипе подтверждение собственной возможности жить иначе: иметь профессию, занимать признанное место среди людей.

Если бы «возможный [прототип]» нашёлся, абсолютное разделение на обычных людей и клонов могло бы оказаться под вопросом, а у Рут могло бы появиться хотя бы смутное представление о другом будущем. Примечательно, что воспитанники, несмотря на откровенные слова Люси, продолжали мечтать об обычных профессиях.

Поэтому вопрос «от кого я произошла?» связан с вопросом «кем я могла бы стать?». Рассматривая происхождение Кэти и ее прошлое в этой связи, Мэтти Хювяринен одновременно обсуждает и надежды на будущее (Hyvärinen, 2008, p. 9).

Здесь рассматривается другая сторона темы рождения: желание самой Кэти стать матерью. Героиня может представить материнскую привязанность, хотя материнство ей недоступно.

«Я медленно покачивалась в такт пению, прижимая к груди воображаемого младенца. <…>

– *О детка, детка, не отпускай меня…*

<…>*Она [Мадам] стояла очень тихо, склонив голову набок, чтобы лучше меня видеть. И вот что удивительно: она плакала.* <…> *Но она просто стояла там и стояла, всхлипывала и всхлипывала, и во взгляде, которым она смотрела на меня сквозь дверной проем, было то же, что и всегда, когда она глядела на нас, – какая-то брезгливость, чуть ли не отвращение. Но на этот раз было в ее взгляде и другое, чего я не могла понять»* (Исигуро, 2020, с. 155-157).

По М. Хювяринену, сторонники Хейлшема добиваются ограниченной реформы: более достойного воспитания будущих доноров при сохранении самого донорства.

Эксперимент в Морнингдейле рассматривается в связи с созданием детей с улучшенными способностями и общественным страхом перед последствиями подобного вмешательства. Под угрозой оказывается привычное разделение между теми, ради кого существует медицинская программа, и теми, чьи тела для неё используют. Здесь возникает содержательная связь между происхождением и общественным положением: человеку заранее назначают судьбу в зависимости от обстоятельств его создания. Такой же трудный вопрос касается оценки Хейлшема. Если верить словам мисс Эмили, воспитатели старались улучшить положение детей, не прекращая их подготовки к тому, что им предстоит. В исследовании Ш. Блэк показано противоречие между верой персонажей романа в нравственную ценность искусства и порядком, при котором признания внутренней жизни воспитанников недостаточно для их освобождения (Black, 2009, p. 793-798). В этом

случае возникает вопрос о пределах гуманизма, при котором признают душу клонов, при этом сохраняя право распоряжаться их жизнью. Противоречие между заботой о воспитанниках и сохранением принудительного донорства можно рассмотреть в связи с наблюдением Г. Клейса о распределении благ в антиутопическом обществе: «…одни группы пользуются равенством и изобилием за счет других» (Claeys, 2017, p. 8).

После рассмотрения опыта воспитанников вернёмся к вопросу о том, кому Кэти рассказывает свою историю.

Мэтти Хювяринен различает реального читателя и предполагаемого адресата рассказа Кэти. Для адресата в нарратологии употребляют термин нарратат (Hyvärinen, 2008, p. 4). По предположению исследователя, Кэти обращается к человеку, который принадлежит тому же миру и уже понимает его устройство. При подобных условиях она может говорить о помощниках и донорах без подробных объяснений.

Кэти использует обращение *"you"* – ты или вы – и допускает, что собеседник имеет сходный опыт. Имя адресата не сообщается, его присутствие в качестве конкретного слушателя также не удостоверено. Тем не менее, характер обращения позволяет предположить знакомство с донорством и воспитанием в специальных учреждениях. У Джеймса Фелана разграничены адресат персонажа и читатель, которому писатель адресует произведение (Phelan, 2007, p. 3-5). Мэтти Хювяринен применяет сходное различие к рассказу Кэти: привычные её предполагаемому собеседнику сведения могут оставаться непонятными внешнему читателю (Hyvärinen, 2008, p. 205-206).

Чтобы оказаться ненадёжной рассказчицей для нас, реальных читателей, Кэти вовсе не обязательно быть нечестной, лживой или странно реагировать на окружающую действительность: она просто рассказывает свою историю не нам. Рассказчица последовательно не принимает нас в расчёт.

Кэти ориентирует рассказ на предполагаемого адресата, которому знакомы общие условия её существования. В интерпретации Мэтти Хювяринена перед нами обращение к другому клону, предположительно донору из иного учреждения (Hyvärinen, 2008, p. 206, 220-221). Подобная осведомлённость не означает знакомства с личной историей рассказчицы. Адресат может впервые узнавать о событиях в Хейлшеме, тогда как читатель одновременно восстанавливает обстоятельства её жизни и общий порядок изображённого мира.

Исигуро обосновывает неполноту пояснений предполагаемой общностью опыта рассказчицы и её адресата. Кэти употребляет привычные обозначения без развёрнутых определений, а читатель постепенно соотносит их с принудительным донорством. Различие осведомлённости адресата и читателя само по себе не доказывает ненадёжности Кэти. Пропуск пояснений, избыточных для предполагаемого собеседника, следует отличать от искажения событий или недостаточности их оценки. При анализе умолчаний необходимо установить, какие сведения адресат способен восполнить и где рассказчица предлагает понимание, требующее пересмотра.

Реальный читатель оказывается в ином положении: ему приходится восстанавливать сведения, которыми предполагаемый слушатель уже располагает. Поэтому впечатление ненадёжности может возникать из-за различия в осведомлённости. Тогда возникает вопрос: это Кэти ненадежный рассказчик или просто мы ненадежные читатели?

Поэтому отсутствие определения донорства допускает вполне конкретное объяснение. Кэти не обязана разъяснять собеседнику устройство знакомой обоим жизни. Читатель романа оказывается в положении человека, которому необходимо восстановить недостающие обстоятельства чужого разговора. Для авторского построения повествования существенна именно разница осведомлённости, что типично для Кадзуо Исигуро. Благодаря ей возможно прояснение смысла чуть позже и совсем необязательно рассказчица должна лгать или недоговаривать своему адресату.

Заключение

В результате исследования сформулированы следующие выводы.

Кэти отнесена к автодиегетическим повествователям, поскольку рассказывает о собственной жизни в качестве главной героини. При характеристике повествования необходимо различать способ представления событий и надежность сообщаемых сведений. Применительно к проанализированному материалу точнее характеризовать его в качестве так называемого фокализированного повествования (повествования, подвергнувшегося фокализации – способу организации повествования, при котором автор выбирает точку зрения персонажа, глазами которого читатель воспринимает и оценивает события, других действующих лиц и мир произведения в целом, в терминологии Ж. Женетта). Автодиегетический статус и внутренняя фокализация сами по себе не определяют надежности рассказчицы. Для вывода о ненадежности необходимо показать, в чем конкретное сообщение, объяснение или нравственная оценка расходятся с другими данными текста.

Неполнота сведений об антиутопическом мире обусловлена разными условиями их получения и сообщения. Воспитатели дозируют информацию о предназначении детей; взрослая Кэти воссоздает события прошлого и оценивает поступки детей по прошествии времени. В романе перспектива организована как ретроспективная внутренняя фокализация, нарушенная провалами в памяти, эвфемизмами и ограниченным горизонтом понимания Кэти. При подобном определении внимание сосредоточено на условиях, в которых она узнаёт о собственном предназначении и рассказывает о пережитом. Некоторые обстоятельства могут оставаться без пояснения, поскольку Кэти предполагает осведомленность адресата о донорском порядке. Время получения сведений героиней не всегда совпадает с моментом их сообщения читателю. Неполноту ее рассказа поэтому нельзя без дополнительных оснований считать намеренным сокрытием информации.

В изображении Хейлшема есть противоречие: о воспитанниках заботятся, позволяя развиваться, дружить, заниматься искусством, участвовать в ярмарках, заниматься спортом, дружить, но право на их будущее принадлежит только Хейлшему, ничто не убережет их от уготованной им участи. В эпизоде поисков Рут своего возможного прототипа происхождение связано с надеждой на профессию и самостоятельную жизнь. В воспоминании Кэти о воображаемом материнстве выражено желание заботиться о ребенке и сохранить близость с ним. Привычные представления о человеческой жизни позволяют героям вообразить будущее, которое не предусмотрено их донорским назначением. Поэтому забота о воспитанниках и признание их чувств не устраняют принудительного характера их существования.

Бытовые подробности, профессиональная самохарактеристика Кэти и ее внимание к отношениям с близкими создают эффект личного свидетельства. Доверие к сообщаемым событиям не предполагает обязательного согласия с их объяснением и нравственной оценкой. Рассмотренные особенности повествования не дают достаточных оснований для безоговорочного отнесения Кэти к ненадёжным рассказчикам. Оговорки о памяти, неполнота объяснений и постепенное раскрытие устройства антиутопического мира допускают иное истолкование с учётом ограниченности доступного героине знания, воспроизведения детского опыта и предполагаемой осведомлённости адресата. Позднейшее понимание читателем насильственного характера донорства не требует признания сообщённых событий недостоверными. Вместе с тем достаточность отдельных объяснений и нравственных оценок Кэти подлежит самостоятельному рассмотрению. Ненадёжность, следовательно, необходимо обосновывать применительно к конкретным суждениям рассказчицы, не принимая её заранее установленным свойством всего повествования.

Перспективы дальнейшего исследования связаны со сравнением особенностей повествования Кэти с повествованием других героев Исигуро, прежде всего Стивенса в романе «Остаток дня».

Материалы исследования | Research materials

1. Исигуро К. Не отпуская меня = Never Let Me Go: роман / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Эксмо, 2020.
2. Ishiguro K. An interview with Kazuo Ishiguro: Author Interview // BookBrowse. https://www.bookbrowse.com/author_interviews/full/index.cfm/author_number/477/kazuo-ishiguro

Источники | References

1. Белова Е. Н. «Ненадежный повествователь» с разных точек зрения: Кадзуо Исигуро («Когда мы были сиротами») и Рюноскэ Акутагава («В чаще») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2013. Вып. 12.
2. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
3. Нестеренко Ю. С. Элементы японской культуры в романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.32
4. Орлова Т. С. К вопросу о стилистических особенностях жанра дневника в романе «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро // Филология и культура. 2023. № 4 (74). https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-170-174
5. Barthes R. L'effet de réel // Communications. 1968. Vol. 11. https://doi.org/10.3406/comm.1968.1158
6. Black S. Ishiguro's Inhuman Aesthetics // Modern Fiction Studies. 2009. Vol. 55. No. 4. https://doi.org/10.1353/mfs.0.1637
7. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction. 2nd ed. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1983.
8. Claeys G. Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. Oxford: Oxford University Press, 2017.
9. Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method / transl. by J. E. Lewin. Ithaca: Cornell University Press, 1980.
10. Hyvärinen M. Friendship, Care, and Politics: Kazuo Ishiguro's Never Let Me Go // Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. 2008. Vol. 12. No. 1.
11. Lejeune P. On Autobiography / ed. and foreword by P. J. Eakin; transl. by K. Leary. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.
12. McDonald K. Days of Past Futures: Kazuo Ishiguro's Never Let Me Go as "Speculative Memoir" // Biography. 2007. Vol. 30. No. 1.
13. Olson G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators // Narrative. 2003. Vol. 11. No. 1.
14. Phelan J. Experiencing Fiction: Judgments, Progressions, and the Rhetorical Theory of Narrative. Columbus: The Ohio State University Press, 2007.
15. Shen D. Unreliability // The Living Handbook of Narratology / ed. by P. Hühn et al. Hamburg: Hamburg University, 2013.
16. Teo Y. Testimony and the Affirmation of Memory in Kazuo Ishiguro's Never Let Me Go // Critique: Studies in Contemporary Fiction. 2014. Vol. 55. No. 2.
17. Todorov T. Les catégories du récit littéraire // Communications. 1966. Vol. 8.
18. Zunshine L. Why We Read Fiction: Theory of Mind and the Novel. Columbus: The Ohio State University Press, 2006.

Информация об авторах | Author information

RU

Орлова Татьяна Сергеевна[1]
[1] Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица

EN

Tatiana Sergeevna Orlova[1]
[1] St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

[1] *ots_prof3@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.10.2026; опубликовано online (published online): 13.11.2026.

Ключевые слова (keywords): Кадзуо Исигуро; роман «Не отпускай меня»; ненадёжный рассказчик; антиутопический мир; повествовательная достоверность; Kazuo Ishiguro; novel “Never Let Me Go”; unreliable narrator; dystopian world; narrative reliability.